

© 2013 г. Н.А. ГАНИНА

РЕЛИКТЫ ГОТСКОЙ АПЕЛЛЯТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ЛАТИНСКИХ ПАМЯТНИКАХ

Готские языковые реликты – апеллятивные лексемы и имена собственные, сохранившиеся вне основного корпуса готских текстов. Исследование реликтов готской апеллятивной лексики позволяет расширить круг данных и уяснить содержательные основания письменной фиксации древнегерманских слов в латинских источниках. В статье предлагается обобщение и этимологический анализ реликтов остготской и вестготской апеллятивной лексики.

Ключевые слова: имена собственные, реликты, готский, остготский, вестготский, латинский язык

The author reconstructs and studies some Gothic language relics – appellatives and proper names which are preserved in Latin sources. A summarizing analysis of the East Gothic and West Gothic language relics is presented in the study.

Keywords: proper names, relics, Gothic, West Gothic, East Gothic, Latin

Готский язык первым из всех германских языков получил письменную фиксацию и поэтому весьма ценен для сравнительно-исторического языкознания. Готская апеллятивная лексика представлена прежде всего корпусом перевода Св. Писания (IV–VI вв. н. э.) и малых готских текстов (религиозный трактат «Skeireins», фрагменты календаря, купчие грамоты из Неаполя и Ареццо). Однако словарный состав этих памятников имеет свою специфику, обусловленную переводным характером готской Библии и жанрово-стилистической принадлежностью всех текстов, созданных в рамках церковной традиции. Готская лексика дошла до нас в ограниченном объеме: так, например, известны обозначения рта, снега, рыбной ловли, но отсутствуют обозначения носа, льда, охоты, слово со значением «яйцо» представлено только в крымско-готском и т. д. Более того, заимствования из готского языка в романские позволяют реконструировать целый ряд слов (военная лексика, пренебрежительные и бранные обозначения), отсутствующих в тексте готской Библии. В этой ситуации весьма перспективным является расширение круга готских лексических данных за счет реликтов готской апеллятивной лексики, сохранившихся в латинских памятниках.

ОСТГОТСКИЕ РЕЛИКТЫ

Реликты остготской апеллятивной лексики немногочисленны даже по сравнению с соответствующими вестготскими данными. Это объясняется целым рядом причин. Во-первых, в эпоху Великого переселения народов коренное население Италии, владевшее латинским письмом, не занималось созданием латино-готских глоссариев, поскольку древнегерманские языки еще не стали объектом научного и культурного интереса. Количество готских слов, известных из латинских памятников нарративного характера, исключительно мало. Ученые авторы, будь то италиец Кассиодор Сенатор или гот Иордан, стремились поднять готскую историю до римской, а не наоборот. Латинские

правовые тексты также не содержат какого-либо пласта или хотя бы группы готских терминов. Эпоха остготского королевства в Италии была краткой. Готы были субъектами права, но, судя по всему, еще не сложились особые институты и понятия, которые следовало бы обозначать готскими словами. Материал готских подписей в латинских купчих (ср. [Tjäder 1981; Ганина 2008]) свидетельствует об автономности двух миров – римского и готского – и о фактической подчиненности первого последнему в плане реалий и понятий. Например, римская золотая монета *solidus* ‘солид’ называлась по-готски *skilliggs*, что засвидетельствовано в тексте купчих грамот. Однако это обозначение было актуальным только для готов, ибо солид оставался солидом, чеканился в Восточной Римской империи, и германский термин не имел общекультурной ценности.

Для остготской Италии засвидетельствован лишь один случай, когда готское слово функционирует в латинских памятниках в качестве термина. «Variae» Кассиодора доносят слово *saio* ‘сайон’, применяемое исключительно к готам. Термин *saio* обозначает дружинника и встречается как в остготском, так и в вестготском законодательстве. Сайон обладает полной свободой передвижения и имеет в своей собственности оружие. Однако то, что он приобретает во время службы, без ограничений остается в собственности его господина при смене сайоном покровителя. В вестготском «Codex Euricianum» нет ни одного положения об экономических и социальных гарантиях для сайона, который не может приобретать никакой собственности (*possessio*). При этом важно различие между остготским и вестготским сайоном: остготский был уполномоченным короля, тогда как вестготский мог быть и дружинником какого-то иного господина [Вольфрам 2003: 345].

Остготские сайоны – воины на королевской службе, которые от имени короля могли выполнять как военные, так и гражданские задачи. Вестготский сайон был дружинником второго разряда при любом знатном человеке, но остготский являлся посланцем короля и передавал его приказы. Обладатели всех мандатов получали указания сайонов и находились под их контролем; им подчинялся даже префект претория. Сайоны выступали представителями короля, если он «должен был беседовать» со своими готами. В полномочия сайонов входили: передислокация войск, доставка на суд двора разных лиц, даже высокопоставленных, а также вмешательство в нравы и обычаи. Сайона часто использовали для того, чтобы обеспечить определенному лицу защиту (*tuitio*) со стороны короля. Но, несмотря на близость к королю и двору, сайоны редко шли в гору, и сайонат лишь для немногих был началом карьеры [Вольфрам 2003: 419–420]. Все известные нам имена сайонов – готские, что объясняется необходимостью выбирать доверенных воинов короля из числа единоплеменников [Wrede 1891: 109].

Наиболее убедительная этимология остготского слова *saio* была выдвинута Р. Кёгелем, рассмотревшим соответствующий термин в «Салической Правде», и поддержана Ф. Вреде в применении к остготскому [Wrede 1891: 109–110]. Исследователи реконструировали гот. **sagja*, возводимое к и.-е. **sekʷ-* ‘следовать’: ср. лат. *sequor*, греч. *ἔπομαι*, др.-ирл. *sac* ‘следовать’, латышск. *sekt* ‘следить (проводить глазами)’; к этому же этимологическому гнезду относится гот. *saivan* ‘смотреть, видеть’ и др. (ср. [Pokorny 1959: 587–588, 775–777, 896–898]). В. Леман выражает сомнения по поводу семантического перехода ‘следовать, следить’ > ‘смотреть’ и потому подвергает сомнению традиционную этимологию [Lehmann 1986: 291]. Такая трактовка представляется гиперкритичной, поскольку, во-первых, индоевропейский этимон неоспорим с формальной точки зрения, а во-вторых, существует латышск. *sekt* ‘следить (проводить глазами)’, где совмещаются оба значения. Группа слов *saihan* – *siuns*, **sagja* в готском свидетельствует об исходном индоевропейском лабиовелярном **kʷ*, перешедшем в остготском в **hʷ* или *gʷ* с озвончением по закону Вернера. В случаях *siuns*, **sagja* < **segʷ-*, **sagʷ-* наблюдается характерный распад звонкого лабиовелярного спиранта, бывшего нестойким звуком: ср. гот. *tawi* ‘девочка’, *magus* ‘мальчик’ < **magʷ-*. Примечательно, что лат. *socius* ‘товарищ, сообщник, компаньон’ < **sokwio-s* ‘последователь’ представляет собой полную аналогию гот. **sagja* [Wrede 1891: 110]. Говоря точнее, лат. *socius* и гот. **sagja* восходят к единому индоевропейскому прототипу: **sokʷiō-s*. Связь гот. *saihan* ‘видеть’

и **sagja* ‘последователь, сопровождающий’ оказывается диахронической (этимологической): это равноправные продолжения и.-е. **sek^w*-/*sok^w*- ‘следовать’, имеющие разные значения.

Что же касается передачи исходного **sagja* латинским *saio*, то Ф. Вреде указывает здесь как на спирантный характер интервокального *g* в готском, так и на слабость интервокального *g* в латыни: ср. *Cytheo* = *Cethego* и др. [Wrede 1891: 110–111].

Данная этимология слова *saio* была поддержана новейшими исследователями (ср. [Wagner 1993: 130]). Таким образом, *saio* означает ‘последователь’, ‘лицо, сопровождающее господина’ > ‘дружинник’. Та же линия развития семантики (при иных формальных средствах) представлена в др.-англ. *ge-sīð* ‘дружинник’, буквально ‘спутник’ < *sīð* ‘путь’.

Другой реликт остготской апеллятивной лексики также относится к сфере права, но не имеет широкого распространения в латинских памятниках и терминологического статуса. Это слово *belagines* (мн. ч.) ‘законы’, засвидетельствованное в «Getica» Иордана. Возводя историю готов к гетам, Иордан сообщает, что Дикиней (верховный жрец гето-дакийского союза при царе Бурвисте) «обучил готов почти всей философии» и дал им законы: *Nam ethicam eos erudiens, barbaricos mores conpescuit; fysicam tradens naturaliter propriis legibus vivere fecit, quas usque nunc conscriptas belagines nuncupant* [Get. 69] «наставляя их в этике, он обуздал [их] варварские нравы; преподавая физику, он заставил их жить в соответствии с природой, по собственным законам, которые, будучи записаны, до сих пор зовутся ‘белагины’»¹.

Е.Ч. Скржинская справедливо отмечает, что указание на «писанные» законы столь отдаленных времен вызывает сомнение; Иордан либо ошибается, так как запись обычаев впервые была произведена у визиготов только при короле Эврихе (466–485)², либо имеет в виду древнюю устную традицию этих обычаев, которые были позднее письменно зафиксированы [Скржинская 1997: 236].

В соответствии с закономерностями готского языка исследователи реконструируют гот. **bi-lagineis* (ж. р. мн. ч.). Форма единственного числа **bi-lageins* является производным от незасвидетельствованного глагола **bi-lagian*: ср. гот. *lagjan* ‘класть’ и др.-в.-нем. *bi-legen* ‘занимать’ (в отношении суффикса *-eins* в именах существительных В. Леман указывает на гот. *ahmateins* (ж. р. -i/ō) ‘вдохновение’ < *ahma* ‘дух’ [Lehmann 1986: 11, 69], *mereins* ‘известие, весть’ < *merjan* ‘возвещать’ и др.). Гот. **bi-lageins* сопоставляется с др.-исл. *lög* ‘закон’, др.-англ. *gi-lagu* (ср. р. мн. ч.) ‘законы’, *lagu* (ж. р. ед. ч., ср. р. мн. ч.) ‘законы’; ср. лат. *lēx* ‘закон’, род. п. *legis*, оскск. *ligud* (аблатив) ‘по закону’. Индоевропейский этимон – **leg^h*-/*log^h*- ‘лежать’ (каузатив **log^h*- ‘класть, полагать’) (ср. [Pokorny 1959: 658–659])³; в отношении других параллелей и семантики ср. русск. *у-ложение* ‘закон, законодательство’.

При том, что готское **bi-lagineis* (ж. р. мн. ч.) допускает реконструкцию формы единственного числа **bi-lageins*, не исключено, что это слово функционировало как *pluralia tantum* со значением ‘совокупность законов’.

В генеалогии остготского королевского рода Амалов Иордан приводит готское слово **anses* и толкует его как *semideos* ‘полубоги’ [Get. 78]. У Иордана лексема передана как *ansis*, что, по замечанию В. Лемана, является формой вин. п. мн. ч.⁴ Возможна также интерпретация формы *ansis* как именительного падежа **ansīs* (мн. ч. основы на *-i*),

¹ При цитировании «Getica» приводится русский перевод Е.Ч. Скржинской [Иордан 1997], который далее особо не оговаривается в отличие от перевода отдельных контекстов, выполненных автором статьи.

² «Codex Euricianus»; ср. выше.

³ Сомнения В. Лемана по поводу традиционной этимологии и.-е. **leg^h*-/*log^h*- ‘лежать’ касаются только лат. *lēx*, *lēgis*, где имеются определенные фонологические проблемы в возведении к индоевропейской основе (правильная форма род. падежа должна выглядеть как **lēhis*).

⁴ Очевидно, исследователь имеет в виду готский винительный падеж мн. ч. *-i*-основ типа *gastins*, а не латинский аккумулятив мн. ч., не дающий такой формы ни в одном склонении.

то есть как готского слова, употребленного вне связи с предшествующими латинскими аккузативами: *id est *ansis*, ‘то есть ансы’. Употребление готского слова в генеалогии царского рода вполне понятно: именно к асам возводили свой род древнегерманские династии (ср. генеалогии норвежских и англосаксонских королей). Однако наименование асов представителями «своей [то есть готской. – Н.Г.] знати» (*proceros suos*) показывает всю глубину укоренения исконной готской традиции в германской: по сути дела, асы в изложении Иордана вдруг оказываются *natione Gothi*. Вряд ли стоит упрекать Иордана (Кассиодора) в «готском национализме»; непосредственное соотнесение готов с асами имеет свое обоснование в традиции. О. Хёфлер [Höfler 1963: 55] и другие исследователи [Beck 1967: 139, Lehmann 1986: 164] считают гот. *gut-* аблаутным вариантом формы **gaut-* (др.-исл. *Gauti*, *Gautar*, др.-англ. *Gēatas* и др.). О. Хёфлер указывает в связи с этим на одно из имен Одина – *Gautr* [Höfler 1963: 55]. В этом нет противоречия с общепринятыми этимологиями, так как др.-исл. *Gautr* может быть сопоставлено с общегерм. **geut-* ‘лить’, точно так же, как др.-исл. *Gauti*, *Gautar*, гот. *gut-* [Lehmann 1986: 164]. Итак, слова Иордана об ансах как «представителях готской знати» могут иметь своей опорой не эвгемеристическую концепцию и не индивидуальные домыслы Иордана (Кассиодора), а реалии исконной традиции [Ганина 2001: 46–49].

Обратимся к этимологии. Соотнесение гот. **anses* с гот. *ans* ‘бревно’ (к греч. *κάρφος* в контексте [Лк. 6,41–42] о «сучке и бревне» в глазу), предложенное Я. Гриммом [Grimm 1854: 22], и соответственно истолкование термина «ансы» как ‘идолы, деревянные столбы с вырезанными лицами’ решительно отвергнуто исследователями [Güntert 1923: 102, Polomé 1953: 36–44]. При обосновании этимологии Я. Гримм привлекал в качестве сравнения свидетельство о культовом столпе *Irmīnsul* у древних саксов, а также сообщение Ибн-Фадлана о деревянных идолах-столбах у русов. Однако Ирминсуль следует сопоставлять с древнегерманской мифологемой мирового древа, а идолы-столбы известны во многих архаических культурах и не являются особой принадлежностью культа асов. При этом семантическое развитие ‘бревно’ > ‘божество’ представляется маловероятным.

Гот. **anses* имеет общепризнанные параллели в древнегерманских языках – др.-исл. *áss* ‘ас’, ‘имя руны’, *ásir* ‘асы’, *ás-* как компонент сложных слов и имен собственных [Cleasby, Vigfusson 1957: 46], др.-англ. *ōs* (название руны, компонент имен собственных), др.сакс. *ōs* (*ōsum* в крещальном обете). При этом гот. **ansīs* (ед. ч. **ans* < **ansiz*) должно быть отнесено к *-i*-основным существительным, тогда как соответствия в других германских языках большей частью принадлежат к основам на *-u-* (кроме др.-исл. *ási* дат. п. мн. ч.⁵ и др.-англ. *esa* род. п. мн. ч.).

Общегерм. **ansuz*/**ansiz* традиционно сопоставляется с др.-инд. *ásuras* ‘господин’, авест. *ahurō* ‘господин’, *Ahurō Mazdā* ‘Господь Мудрый’, ‘Ахурамазда’, др.-перс. *Aura Mazda* ‘Ахурамазда’. О.Н. Трубачев указал также на мордовскую религиозную формулу *azozin’e pas* (морд. *pavas*, *pas* < иран. **bayas* с сохранением конечного согласного) ‘Господь Бог’, вероятно, целиком заимствованную из иранского и отражающую чрезвычайно архаическую, доиранскую огласовку **ásura-* [Трубачев 1967: 10].

П. фон Бракке первым сопоставил др.-инд. *ásura-* и *asuh* ‘жизненная сила’ (как ‘сила дыхания’, ‘дух’ – ср. др.-инд. *āniti*, гот. *uz-anan*) [Bradke 1886: 347]. Х. Гюнтерт интерпретировал др.-инд. *ásura* как ‘божество, обладающее повышенной жизненной силой’ [Güntert 1923: 10], что было поддержано М. Майрхофером [Mayrhofer 1953–1980, I: 65–66]. Э. Полеме считает, что германские **anses* осознавались в традиции как божества, осуществляющие власть и контроль над магическими силами [Polomé 1953]. Другая возможность интерпретации – сближение др.-инд. *ásura-* с хет. *haššu* ‘царь’ при возведении последней лексемы к и.-е. **Hons-/Hns-* ‘рождать’ (ср. также хет. *haš-* ‘рождать’, *hašša-tar* ‘род’, *hašša hanzašša* ‘внуки и правнуки’ и др. [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 750]). Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванов предполагают для данного случая известный

⁵ Клятва Глума, 388 [Cleasby, Vigfusson 1957: 46].

семантический переход 'господин, властелин' > 'бог'. В любом случае выделяются две основные версии: 1) к и.-е. **an-* 'дышать', 2) к и.-е. **Hons-/Hns-* 'рождать'.

Ансы у Иордана описаны как существа, приносящие победу: *quorum quasi fortuna vincebant* 'благодаря якобы удаче коих победили' [Get. 78]⁶. Это согласуется как с древнейшими представлениями о сверхъестественных существах, наделенных особой жизненной силой, так и с понятиями об асах в скандинавской традиции. Ср.: «Он [Один. – Н. Г.] был настолько удачлив (*svá sigrsæll*) в битвах, что одерживал верх в каждой битве...» [Ynglingasaga 2; Снорри Стурлусон 1980: 11]. Однако в синхронии гот. **ansis* уже не связаны ни с общегерм. **an-* 'дыхание, дух', ни с производными и.-е. **Hons-/Hns-* 'рождать'.

Сообщение Иордана не оставляет сомнений в том, что готы почитали ансов-асов, возводили к ним свой род и считали, что ансы ниспосылают воинскую удачу. Готский ономастикон свидетельствует об употреблении имен с основой **ans-* даже в VI–VII вв.: ср. имя *Ansila* («римлянин родом» в войсках Нарзеса) и вестготские имена *Ansemundus*, *Ansericus*, *Ansoaldo*.

Иордан приводит еще одно слово, отражающее мифологические представления готов – **haliurunnas* (мн. ч.) [Get. 121–122], толкуемое как *magas mulieres* 'колдуньи':

«Из древних преданий мы узнаем, как они [гунны. – Н. Г.] произошли. Король готов Филимер, сын великого Гадариха, после выхода с острова Скандзы, пятым по порядку держал власть над гетами, и... вступил в скифские земли. Он обнаружил (*repperit*) среди своего племени (*in populo suo*) несколько женщин-колдуний (*magas mulieres*), которых он сам на родном языке называл галиуруннами (*haliurunnas*). Сочтя их подозрительными (*suspectas*), он прогнал их далеко (*longeque*) от своего войска и, обратив их таким образом в бегство (*fugatas*), принудил блуждать (*errare*) в пустыне. Когда их, бродящих по бесплодным пространствам, увидели нечистые духи (*spiritus inmundi*), то в их объятиях соитием смешались с ними и произвели то свирепейшее племя, которое жило сначала среди болот, – малорослое, отвратительное и сухопарое, понятное как некий род людей лишь в том смысле, что обнаруживало подобие человеческой речи» [Get. 121–122].

Слово **haliurunnas* относится к германскому лексическому фонду, однако при этимологизации допустимо привлечение различных германских параллелей – производных общегерм. **rūnō-* 'тайна, тайное совещание, таинственный шепот', 'рунический знак' и производных общегерм. **rinnan* 'бежать, мчаться'. Первая версия была выдвинута исследователями конца XIX – начала XX в. (см. [Feist 1939: 240]) и основывается на допущении, что готское слово, приводимое Иорданом, при записи испорчено и требует конъектуры. Так, К. Мюлленгоф в Моммзеновом издании Иордана истолковал указанное слово как 'руна (тайна) Хель', сведя письменно засвидетельствованное *-runnas* к гипотетическому **-runa* (см. [Scardigli 1964: 84]) – ср. др.-верх.-нем. *holzrūna* 'колдунья', *Albruna* у Тацита [Germ. 8], др.-верх.-нем. *alrūna* 'ведьма, демоническое существо' [Feist 1939: 240, Скржинская 1997: 270].

П. Скардильи и В. Леман оправданно соотносят основу **haliu-* в рассматриваемом композите с гот. *halja* (ж. р. -o) 'ад' (в переводе Св. Писания), 'царство мертвых, Хель' (в исконном употреблении). П. Скардильи полагает, что форма **halju-* (вместо **halja-*) вполне возможна в композитах: ср. гот. **broprulubo* (вместо **bropra-*) – и не должна корректироваться [Scardigli 1964: 85]. Это мнение поддержано В. Леманом [Lehmann 1986: 174]. Второй компонент композита **haliurunna* (ед. ч.) интерпретируется П. Скардильи как производное гот. *rinnan* 'бежать, мчаться'. Гот. **haliu-runna* может, таким образом, иметь значение 'та, кто мчится в/из Хель'. В соответствии со своей концепцией «готского шаманизма» П. Скардильи считал готских **haliurunnas* шаманками, общавшимися с духами и владевшими искусством «переноситься в Хель» [Scardigli 1964: 84]. Предложенная этимологическая интерпретация возможна (хотя и не обязательна), однако «готских шаманов» в IV–VI вв., равно как и в эпоху Филимера, не существовало.

⁶ Перевод автора.

Тем не менее, на фоне древнегерманских параллелей всё же более предпочтительно сопоставление **haliurunnas* с общегерм. **gūnō-* ‘тайна, тайное совещание, таинственный шепот’. Нужно лишь изменить модель сопоставлений. Тацитова *Albruna* (женщина, которой поклонялись германцы), др.-верх.-нем. *holzrûna* ‘колдунья, ведьма’, *alrûna* ‘ведьма, демоническое существо’ укладываются в общую схему N + *rûna*, где *rûna* имеет значение ‘женщина-прорицательница, колдунья’ (в позднейшем осмыслении – ‘ведьма’), ибо выступает в традиции в непосредственной связи с этим образом, а N (субстантивный эпитет *alb-* ‘альб, эльф’, *holz-* ‘дерево’, *al-* ‘все’) служит обозначением «специализации» данной колдуньи. Представляется, что в этом случае *runa* должно быть истолковано не как ‘тайна’ или ‘рунический знак’, а как ‘таинница, прорицательница’: ср. др.англ. *rūnian*, др.-сакс. *rūnan*, др.-верх.-нем. *rūnēn* (совр. нем. *raunen*) ‘таинственно шептать’. Гот. **haliurunna* может в этом свете означать ‘таинница царства мертвых (Хель)’, ‘колдунья, прорицательница, связанная с Хель’ [Ганина 2001: 107–108]. Весьма важным в связи с этим представляется указание Я. де Фриса на тот факт, что др.-верх.-нем. *hellirûna* глоссирует лат. *necromantia* ‘вопрошание / вызывание мертвых, некромантия’, а др.-англ. *hellerûne* (лат. *pythonissa*) ‘волшебница, прорицательница’ [de Vries 1956–1957, I: 323]. Итак, в результате критического осмысления версий гот. **haliurun(n)a* поддается вполне удовлетворительному истолкованию даже при различном понимании внутренней формы слова.

Заклучив гот. **haliurun(n)a* в узкие рамки концепции «готского шаманизма», П. Скардильи отказался от проведения других культурных параллелей. Тем не менее, при осмыслении гот. **haliurun(n)as* важно вспомнить образ колдуньи, запечатленный арабским путешественником X в. Ахмедом Ибн-Фадланом в описании похорон знатного руса (скандинавского купца-воина на Волге). Ибн-Фадлан сообщает о приготовлениях к добровольному жертвоприношению девушки – наложницы руса: «И пришла старуха женщина, которую называют “ангел смерти”, и разостлала на скамье подстилки... (далее о стеганых матрацах и византийской парче. – Н.Г.). И она руководит обшиванием его (корабля. – Н.Г.) и приготовлением его, и она убивает девушек. И я увидел, что она ведьма большая и толстая, мрачная» (цит. по [Ковалевский 1956: 143]). Я не располагаю сведениями, какой оборот арабского оригинала соответствует определению «ангел смерти», однако здесь следует учесть, что греч. *ἄγγελος* буквально означает ‘вестник’. В любом случае, подобное наименование старухи-колдуньи вполне сопоставимо с гот. **haliu-runu* или **haliu-runna*.

Следует также учесть общий контекст представлений русов о загробном мире. Ибн-Фадлан описывает, как обрекая себя в жертву девушка «видит» потусторонний мир: ее подводят к каким-то заранее воздвигнутым воротам, сооруженным возле приготовленного костра, трижды поднимают над воротами в лучах заходящего солнца, она же заглядывает вниз, где сидит пышно наряженный покойник. При этом девушка приносит в жертву курицу и говорит, что видит отца и мать (в первый раз), всех своих умерших родственников (во второй раз) и, наконец, своего господина, сидящего «в красивом, зеленом саду» с мужами и отроками и зовущего ее. «Так ведите же меня к нему!» – заключает девушка. Видение девушки и совершаемый ею обряд справедливо сопоставляются с некоторыми деталями повествования Саксона Грамматика о Хаддинге (петуху отрывают голову и бросают через стену «в иной мир»; птица оживает и кукарекает) и включаются в комплекс древних представлений о «переправе в иной мир», «дороге в Хель» (см. [Ellis 1968]). Эти сопоставления позволяют заключить, что автохтонное наименование жрицы – распорядительницы погребального обряда у русов, переданное Ибн-Фадланом как «ангел смерти», должно было соотноситься с германским обозначением иного мира – общегерм. **haljō*, др.-сканд. *hel* [Ганина 2001: 109].

В случае, если второй компонент рассматриваемого композита восходит к гот. *rinnan* и словом **haliurunnas* Филимер назвал на родном языке не готских, а иноплеменных (скифских) колдуний, есть еще одна возможность интерпретации. Слово **haliurunnas* могло означать ‘те, кто мчится из Хель’, то есть было связано с образом готских «скачущих» злых духов (гот. *skohsl*) и древнегерманской «дикой охоты» (см. [Ганина 1990]).

Ср. в связи с этим др.-англ *helruna* о Гренделе. Однако Я. де Фрис, приводя это слово, дает указание на долгое *ū* [de Vries 1956–1957, I: 323]. Поэтому последний пример заставляет предполагать контаминацию **-rūnō* и **-runna*, так как Грендель – выходец из тьмы, носитель ужаса (*wælgæst*, *wælgenga*), а не колдун-некромант. Образ «мчащихся из Хель» ведьм вполне согласуется с данным у Иордана описанием «порождения нечистых духов» – гуннов: «Этот свирепый род (*natio saeva*)... не знал никакого другого дела, кроме охоты, если не считать того, что он... стал тревожить покой соседних племен коварством и грабежами» [Get. 123]. В любом случае не подлежит сомнению, что гот. **haliurun(n)as* употреблено Иорданом (готским преданием) в оскорбительном для гуннов ключе.

ВЕСТГОТСКИЕ РЕЛИКТЫ

Готский язык в Испании в любую эпоху был языком меньшинства населения. Есть все основания предполагать, что он не был полноценным живым языком уже во времена, предшествующие арабской экспансии, то есть еще до начала VIII в. При этом, разумеется, нельзя исключать возможности его сохранения в быту, особенно в отдаленных областях. Тем не менее, во всей области тулузско-испанского королевства вестготов не сохранилось ни одного текста на готском языке [Piel, Kremer 1976: 29]. Известно, что богослужебные тексты вестготов-ариан были уничтожены, однако отсутствие иных памятников заставляет предполагать, что все готские тексты в Испании так или иначе были связаны с церковной традицией. При этом исследователи подчеркивают, что готский перевод Св. Писания нигде не упоминается в источниках (ни в исторических трудах, ни в деяниях соборов). Все это позволяет заключить, что готский язык в Испании довольно рано приобрел статус реликтового и уже в VII – начале VIII в. существовал на основаниях, характерных для реликтового языка.

Что касается знания готского языка вообще, то св. Исидор Севильский в VII в. упоминает некие *carmina maiorum* ‘песни предков’, или ‘песни о предках’, в чем следует видеть указание на некие эпические предания. Однако конкретное оформление и содержание этих песней неизвестно. Как подчеркивают Й. Пиль и Д. Кремер, единственным намеком на владение готским языком является характеристика короля Рекесвинта (649–672 гг.) как *sapientissimus in lingua barbara* ‘наиболее сведущий в варварском языке’; однако это сообщение содержится в хронике XI в.

Количественное соотношение вестготских апеллятивов (включая те, что восстанавливаются по заимствованиям в испанский и португальский языки) и имен собственных (включая топонимы) характеризуется огромным перевесом в сторону последних. Й. Пиль и Д. Кремер указывают, что в настоящее время известно несколько тысяч имен собственных и топонимов, несомненно имеющих готские корни, тогда как бесспорно готские заимствования в испанском и португальском составляют всего около тридцати единиц [Piel, Kremer 1976: 27]. При этом вестготская апеллятивная лексика в латинских памятниках представлена лишь несколькими словами из области общественно-правовой и бытовой лексики.

В «*Leges Visigothorum*» содержатся следующие термины: *gardingus* (5 случаев употребления) ‘лицо на службе короля, принадлежащее к ближайшей свите’, ‘придворный’, *guardianus* (3 случая употребления) ‘страж, стражник, телохранитель’, [*comes*] *scanciarum* ‘придворная должность’, *thiufadus* (2 случая употребления) ‘*millenarius*’, ‘тысячник (на ранг ниже комита)’⁷, *thiufada*, *thiufadia* ‘воинское подразделение под командованием *thiufadus*’ [Gamillscheg 1934, I: 356–357]. В средневековой латыни Испании засвидетельствовано слово *gasalianes* ‘члены монастырской общины’ [Piel,

⁷ Лат. *comitus* передается здесь (и ниже, при цитировании Get. 243) как ‘комит’, хотя в более позднюю эпоху это наименование обозначало графа: ср. «граф Булгаран» [Альтамира-и-Кревеа 2003: 100] о лице, обозначенном в латинских документах как *comitus Bulgar*. В эпоху короля Леовигильда комит / граф – наместник крупного города [Альтамира-и-Кревеа 2003: 96].

Kremer 1976: 40]. Кроме того, у св. Исихора Севильского засвидетельствованы слова *granos* 'косички, косы' или 'усы' и *cinnabar* 'бородка, эспаньолка': *videmus... granos et cinnabar Gothorum* 'видим косички / усы и бородку готов' [Etymologiae, XIX.23, 7]. Слово *cinnabar* не следует смешивать с лат. *cinnabaris*, *-is* 'киноварь'; в словаре А. Вальде и Й. Хофмана *cinnabar* толкуется как «Art Haarfrisur der Goten (Isid.): aus got. *kinnubar(d)s 'Kinnbart, Backenbart'» [Walde, Hoffmann 1938–1956: 218].

Э. Гамильшер оценивает латинизированные германские формы *leudes* (1 случай употребления) 'свободные дружинники' и *saio*, *sagjo* 'сайон' как неготские, считая первую франкской, а вторую вообще негерманской [Gamillscheg 1934, I: 358]. При отсутствии апеллятива, соответствующего форме *leudes* в классическом готском, первое предположение можно учесть как одну из возможностей интерпретации⁸. Однако слово *saio* 'сайон', рассмотренное выше, характеризуется в латинских источниках как готское и этимологизируется как германское.

Этимология приведенных слов большей частью прозрачна, однако при рассмотрении деталей возникает целый ряд интересных проблем.

Лат.-гот. *gardingus* восходит к гот. **gardings* – производному от *gards* (м. р. *-i*) 'дом, двор' и буквально означает 'лицо, принадлежащее к дому, двору' в прямом, а не переносном смысле. Однако для обозначения домочадца (греч. *οἰκεῖος*) в классическом готском употребляется слово *ingardja* (м. р. *-n*) (Еф. 2,19) [Gamillscheg 1934, I: 356; Lehmann 1986: 147]. Поэтому лат.-гот. *gardingus* явно отражает развитие словом *gards* 'дом, двор' переносного значения, а именно – 'двор короля'.

Э. Гамильшер отмечает, что термин *gardingus* стал непонятным или неупотребительным уже в VII в., поскольку в рукописи Codex Parisinus оно глоссируется словом *astualdus* [Gamillscheg 1934, I: 356]. Этимология последнего термина требует пояснения. Оно трактуется исследователями как композит, первый компонент которого – *astu-* – сопоставляется с лат.-герм. *asdingi* / *azdingi* / *astingi* < общегерм. **hazdingōs* 'носящие (длинные) волосы', 'длинноволосые': ср. *Asdingi* 'знатный род у вандалов', *Haddingus* у Саксона Грамматика, др.-исл. *Haddingr* 'имя мифологического героя', *skati Haddingja* 'князь Хаддинггов' («Язык поэзии», перечень коней с указанием на «Вису Кальва»), др.-англ. *Heardingas* в древнеанглийской рунической поэме. Обозначение **hazdingōs* является суффиксальным производным от общегерм. **hazdaz* 'волосы': ср. др.-исл. *haddr* 'женские волосы' (поэт.), др.-англ. *heord* 'волосы', а из параллелей в других индоевропейских языках – русск. *коча* [de Vries 1962: 200; Cleasby, Vigfusson 1957: 227]. По своей внутренней форме **hazdingōs* буквально означает *кочатые*. На основании этих сопоставлений лат.-гот. *astualds* этимологизируется как **hazda-walds* 'длинноволосый правитель', причем старое **hazdings* могло совместиться с обозначениями должностей на *-*walds* [Gamillscheg 1934, I: 356]⁹.

Еще Я. Гримм заключил, что благородные германцы (готы, вандалы, маркоманны) в ранге «гардингов» обозначались как *asdingi* [Wrede 1886: 40; Gamillscheg 1934, I: 356]. Сакральное и правовое значение длинных волос для германцев общеизвестно. Прежде всего вспоминаются «длинноволосые короли» Меровинги, для которых стрижка означала отрешение от власти (в истории – всегда насильственное). Не лишне напомнить, что свободные готы назывались, по Иордану, *capillati* 'простоволосые', 'длинноволосые': «Это имя и приняли готы в большинстве своем, и до сего дня они поминают его в своих песнопениях» [Get. 72]. Правовая сторона употребления термина *capillati* рассмотрена у Е.Ч. Скржинской [Скржинская 1997: 238–239]; в VI в. так обозначались лица варварского происхождения, то есть готы (Cass. Var. IV, 49). Упоминание же о «песнопениях» готов позволяет видеть в слове *capillati* латинский эквивалент имени **Hazdingōs* 'асдинги', так как это имя прочно связано с древнейшим эпическим на-

⁸ В готском засвидетельствованы такие продолжения и.-е. **leudh-* 'расти', как *liudan* (снгл. 2) 'расти', *ludja* (ж. р. *-jō*) 'лицо', *jugga-laups* (м. р. *-i*) 'юноша'.

⁹ Приводимое у Э. Гамильшера *hariwalds* 'Heeresbeamter', 'командир, военный' отсутствует в словаре В. Лемана [Lehmann 1986: 178–179] и должно считаться реконструкцией.

следуем и родовыми преданиями германцев. В древнеанглийской эпической поэме *Heardingas* упоминаются в строфе, посвященной руне $\times$ (*Ing*) и в связи с преданием об уходе древнейшего божества Инга (*Ing*) на восток, за море, после чего Хеардинги обрели счастье, удачу (*hærl*).

Обоснование культурной значимости волос, косы, гребня у древних германцев (и в частности, у восточногерманских племен) содержится в работе М.Б. Щукина. Исследователь указывает в связи с этим и на «свевский узел», и на изображения длинноволосых готов-телохранителей императоров Юстиниана и Феодосия (равеннские фрески, серебряное блюдо из Мадрида). Носители черняховской культуры со тщанием изготавливали гребни и очень часто помещали их в мужские и женские могилы [Щукин 2005: 176]. Примечательно, что в законодательстве вестготской Испании было предусмотрено такое наказание, как публичное унижительное обрезание волос [Клауде 2002: 148; Щукин 2005: 176].

С учетом древнегерманского культурного фона слова *granos* и *cinnabar* у св. Исихора Севильского предстают не случайной фиксацией бытовых обозначений, но указанием на характерные признаки готов, их отличие от римлян. В. Леман интерпретирует *granos* как «косы, косички» (*pigtails*) [Lehmann 1986: 159], благодаря чему возникает ассоциация со «свевским узлом». Если это слово действительно обозначало косу (мужскую), то перед нами еще одно свидетельство о ритуальной роли этого вида прически у древних германцев при рассмотренном выше общегерм. **hazdaz* < и.-е. **kos-* «прическа, коса».

При этом следует отметить, что этимологические параллели гот.-лат. *granos* (мн. ч.), *granus*, *grana* (ед. ч.) [Walde, Hoffmann 1938–1956, I: 619] имеют значение «усы» – ср. др.исл. *grQn*, др.-англ. *granu*, др.-верх.-нем. *grana* «усы». Эти параллели восходят к и.-е. **ghren-* «край, грань» (< **gher-*, **ghr-ē-n-*), ср. русск. *грань*. Важно, что значение «волосы» эта основа получает в кельтском: ср. такие примеры, как ср.-ирл. *greinn* «борода», валлийск. *gran* «ресница», галльск. **grennos* (реконструкция на основе ст.-франц. *grenon* «борода» и др.). Примечательным образом в рейнском ареале поздней античности существовала мифологическая фигура *Mercurius Grannos*, которую исследователи сопоставляют с некоторыми аспектами образа Водана – ср. *Síð-grani* как прозвище Одина [Enright 1996]. Можно видеть, что и *granos* «усы» непосредственно относятся к мифоритуальной сфере древних германцев. Однако, думая о том, были ли вестготские *granos* «косичками, косами» или «усами», следует принимать во внимание, что у знаменитого свева (находка из Северной Германии [Germanen 1976: Tafel 27; Щукин 2005: 176]) коса гораздо богаче усов, готы-придворные представлены на указанных выше изображениях безусыми, а на известной монете Теодориха Великого (пусть и при определенной тирафретности монет этой эпохи) король остготов изображен длинноволосым (прическа «пажа»), безбородым (по римской моде) и, возможно, лишь с небольшими усиками.

Слово *cinnabar* давно этимологизировано как готский композит **kinnu-bards*: ср. гот. *kinnus* к греч. *σινῶν* «щека» (Мф. 5,39; Лк. 6,29) [Lehmann 1986:218], крым.-гот. *bars* «борода». Однако и здесь возникает вопрос о том, какую именно реалию обозначало рассматриваемое слово, поскольку и.-е. **gen-u* имеет значение «щека» (ср. греч. *γένυς* «щека»), а общегерм. **kinnuz* «щека, подбородок». Соответственно, *cinnabar* может обозначать как бородку (волосы на подбородке; совр. нем. *Kinnbart*), так и бакенбарды (волосы на щеках). Х. Вольфрам в связи с этим говорит о «так называемой эспаньолке» [Вольфрам 2003: 33, прим. 131]. Если это действительно так, то традиционный образ испанского дворянина с усами и эспаньолкой находит свой прототип в готском воине с его *granos* и *cinnabar*, и испанец оказывается «готом» (*Godo*) не только по своему германскому имени и истокам рода, но и по внешнему облику.

Описание короля вестготов Теодориха (Теодориха) II у Аполлинария Сидония гласит: «У него красиво закругленная голова, и кудрявые волосы на ней уложены назад от гладкого лба... Обе надбровные дуги увенчаны густыми бровями. Когда же он прикрывает веки, кончики его ресниц достают почти до середины щек. Уши и мочки ушей по варварскому обычаю закрыты зачесанными назад волосами. Нос имеет благородную

горбинку. Губы тонкие, и никакое растяжение уголков рта не делает их форму грубой. Волосы, растущие под ноздрями, он ежедневно обрезает. Растительность на лице густо растет на слегка закругленных висках, однако если на нижней половине лица пробивается борода, ее постоянно сбривает брадобрей, так что щеки выглядят как у молодого человека» (цит. по [Вольфрам 2003: 290]). Этот контекст не позволяет прийти к однозначному выводу. Слово *granos* здесь могло обозначать либо косицы длинных, зачесываемых назад волос, либо усы – «волосы, растущие под ноздрями», которые король «ежедневно обрезает», но не сбривает. Что же касается *cinnabar*, то ясно, что эта деталь мужской прически располагалась не посреди щек и не на нижней половине лица, а составляла некое обрамление, будь то густые волосы на висках (недлинные бакенбарды) или мысок волос на подбородке при гладко выбритых щеках (эспаньолка, о которой в тексте прямо не говорится). Разумеется, прическа короля, во многом следовавшего римской моде, могла отличаться от прически готского воина, однако приведенное описание все же позволяет уяснить некоторые детали внешнего облика.

Вернемся к перечисленным выше общественно-правовым терминам. Лат.-гот. *guardianus* (3 случая употребления) ‘страж, стражник, телохранитель’ имеет убедительную параллель в виде гот. *wardja* ‘страж, сторож’ (м. р.; вин. п. мн. ч. *wardjans* к греч. (ἑχειν) κοῦστωδίαν – Мф. 27,65 [Lehmann 1986: 394]), для [comes] *scanciarum* ‘придворная должность’ восстанавливается исходное готское **skankja* ‘виночерпий’ [Gamillscheg 1934, I: 356]. И лишь этимологизация лат.-гот. *thiufadus* ‘millenarius’, ‘тысячник (на ранг ниже комита)’, *thiufada*, *thiufadia* ‘воинское подразделение под командованием *thiufadus* сопряжена с некоторыми трудностями. Греч. χιλίαρχος ‘тысячник’ передается в классическом готском как *pusundifaps* (м. р. -i) (Ин. 18,12); ср. также *pusundifadaim* (дат. п. мн. ч.) в контексте Мк. 6,21. Поскольку звуковой облик латино-готского и классического готского обозначения тысячника сильно различаются, приходится признать, что это разные слова с общим вторым компонентом *-faps* ‘господин’ < и.-е. **patis* ‘господин’. Эта основа не встречается в готском в виде самостоятельной лексемы, но хорошо засвидетельствована как второй компонент сложных слов – ср., помимо *pusundifaps*, гот. *hundafaps* ‘сотник’, *brupfaps* ‘жених’ [Lehmann 1986: 82, 194, 367–368] и особенно *swnagogafaps* к греч. ἀρχισυνάγωγος ‘начальник синагоги’. Последний случай указывает на продуктивность этого компонента в синхронии (ср. [Lehmann 1986: 82–83]), фактически – на переход его в разряд полусуффиксов-германизмов.

Э. Гамильшег выдвигает две возможные причины, по которым вестготский «тысячник» обозначается словом, отличным от гот. *pusundifaps*: 1) утрата числительного *pusundi* ‘тысяча’ в позднем вестготском (аналогично крымско-готскому); 2) употребление существительного с обобщенным значением ‘командир, офицер’, восходящего к гот. **piu-faps* букв. ‘начальник слуг’ – ср. гот. *pius* (м. р. -wa) ‘слуга, раб’ и др. [Gamillscheg 1934, I: 356–357]¹⁰. Первое положение не поддается верификации, а второе представляется наиболее экономным решением. Возможно, в определенную эпоху значение «командир» стало более важным, чем указание на численность воинского подразделения, находившегося в подчинении у этого командира. Более того, следует задуматься, имело ли латинское слово *millenarius* значение ‘тысячник’ в применении к реалиям вестготской (а не римской) армии¹¹.

Более сложный путь – реконструкция модели типа **tigu(-hunda-)faps* ‘тысячник’ и предположение о синкопе. Эта версия, выдвигаемая мною лишь в интересах полноты осмысления, основана на функционировании в готском языке разных моделей числительных – ср. *hunda* ‘сто’ (Мр. 14,5; Лк. 7,41; в обозначении 300 и 500, а также в композите (*hundafaps*) и *taihuntetund/taihuntaihund* ‘сто’ (только Лк. 15,4 и 16,6–7).

¹⁰ Гот. *pius* ‘слуга, раб’ – см. [Lehmann 1986: 362]. К сожалению, лат.-гот. *thiufadus* в словаре В. Лемана не рассматривается.

¹¹ Ср. русск. *десятник* – обозначение начальника рабочих на стройках. Изначально это слово связано с идеей о командовании десятью рабочими, но при переводе на иностранные языки это слово должно снабжаться пояснением «бригадир», «распорядитель на стройке» и т.п.

Гот. *þusundi* (ж. р. *jō*) 'тысяча' – германо-балто-славянская изоглосса, продолжение и.-е. **tūs-kmtom* 'большая / толстая сотня' – также могло иметь готский коррелят, образованный при помощи основы **tēhun/tīgūn* 'десять / десяток'. Слово «тысячник», образованное по такой модели, должно было восприниматься носителями латыни как труднопроизносимое и могло быть упрощено при заимствовании в латынь. Однако начальный *th-* (без исключений) в латинских памятниках скорее указывает на германский **þ-*, что подтверждает предложенную Э. Гамильшегом реконструкцию **þiu-faps* 'командир, офицер'. При этом слово *thiufada*, *thiufadia* может являться производным от **þiu-faps*, и в таком случае должно возводиться к вестгот. **þiu-fadjo*, но может и отражать гот. *þiwadw* (ср. р. ?) 'подчинение' (в классическом готском – к греч. *δουλεία* 'рабство', Гал. 4,24 [Lehmann 1986: 362]), хотя последнее менее вероятно. В любом случае Э. Гамильшег подчеркивает, что подобное многообразие этимологических решений свидетельствует о разрушении (*Zersetzung*) готского языка в середине VII в. [Gamillscheg 1934, I: 358], или, иначе говоря, о переходе готского языка в статус реликтового.

И наконец, лат.-гот. *gasalīanes* 'члены монастырской общины', отмечаемое в ряде латинских грамот из Испании, имеет своим прототипом гот. **gasalja* – *ga-*комполит от глагола *saljan* 'селиться, жить, обитать' (слгл. I), в переводе Св. Писания – к греч. *ξενίζεσθαι* 'пребывать, гостить' (1 Кор. 16,7), ср. также *us-saljan* к греч. *καταλυσαι* 'размещаться, расселяться' (Лк. 19,7), *salipwos* (ж. р. -o, мн. ч.) к греч. *ξενία, μονή* 'гостиница' (Ин. 14,2) [Lehmann 1986: 293]. Й. Пиль и Д. Кремер отмечают, что указанное слово могло также иметь значение 'сожителю, супруги' – ср. контекст грамоты из монастыря Мореира (914 г.), где речь идет о женщине, не свободной от своего сожителя («a suo gasaljanе») [Piel, Kremer 1976: 40]. Очевидно, *gasalja* этой женщины был ее законным супругом, коль скоро он имел право препятствовать ее поступлению в монастырь (ср. употребление термина '*Gatte*' у Й. Пиль и Д. Кремера). Можно видеть, что готское слово позволяет обозначить понятие «сожительство» без каких-либо дополнительных коннотаций: на первый план выводится совместное проживание людей на определенной территории, будь то монастырская братия или супруги. В отношении монастырского обихода *gasalīanes* этимологически соответствует русск. *насельники*, но выясняется, что диапазон применения готского термина был более широк и мог касаться совместного проживания супругов.

В отношении связей вестготских апеллятивов и имен собственных следует указать на вестготские имена *Astaldus* и *Gardingus*. Отмечая такую корреляцию, нужно иметь в виду общую тенденцию к пополнению позднеантичного и раннесредневекового ономастикона именами, одновременно представляющими собой апеллятивы – обозначения социального статуса (как правило, высокого). Так, например, *Senator* было личным именем деятеля, известного ныне почти исключительно как Кассиодор (*Flavius Magnus Aurelius Cassiodorus Senator*); ср. также лат. *Patricius* 'Патрикий' и древнерусское имя *Вовин*.

Исследование готских апеллятивных реликтов в латинских памятниках позволяет заключить, что письменной фиксации подвергались наиболее распространенные восточногерманские правовые термины и обозначения древнегерманских мифологических или культурных реалий, то есть слова, относящиеся к безэквивалентной лексике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Альтамира-и-Кревеа 2003 – Р. Альтамира-и-Кревеа. История средневековой Испании / Пер. с исп. Е.А. Вадковской, О.М. Гармсен. СПб., 2003.
- Вольфрам 2003 – Х. Вольфрам. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии) / Пер. с нем. Б.П. Миловидова, М.Ю. Некрасова; под ред. М.Б. Щукина, Н.А. Бондарко, П.В. Шувалова. СПб., 2003.
- Гамкрелидзе; Иванов 1984 – Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. К реконструкции праязыка и протокультуры. Т. I–II. Тбилиси, 1984.
- Ганина 1990 – Н.А. Ганина. К этимологической интерпретации гот. *skohsl* // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1990. № 5.
- Ганина 2001 – Н.А. Ганина. Готская языческая лексика. М., 2001.

- Ганина 2008 – Н.А. Ганина. Готские языковые реликты: Дис. ... докт. филол. наук. М., 2008.
- Иордан 1997 – Иордан. О происхождении и деяниях гетов (*Getica*) / Вступит. ст., пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1997.
- Клауде 2002 – Д. Клауде. История вестготов / Пер. с нем. С.В. Иванова. СПб., 2003.
- Ковалевский 1956 – А.П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.
- Скржинская 1997 – Е.Ч. Скржинская. Иордан. *Getica*. Комментарий. СПб., 1997.
- Снорри Стурлусон 1980 – Снорри Стурлусон. Круг Земной / Изд. подгот. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980.
- Трубачев 1967 – О.Н. Трубачев. Из славяно-иранских лексических отношений // *Этимология* 1965. М., 1967.
- Щукин 2005 – М.Б. Щукин. Готский путь: Готы, Рим и черняховская культура. СПб., 2005.
- Beck 1967 – I. Beck. Studien zur Erscheinungsform des heidnischen Opfers nach altnordischen Quellen. Diss. München, 1967.
- Bradke 1886 – P. von Bradke. Beiträge zur altindischen Religions- und Sprachgeschichte // *Zeitschrift für Deutsche Morgenländische Gesellschaft*. Bd 40. 1886.
- Cleasby, Vigfusson 1957 – R. Cleasby, G. Vigfusson. An Icelandic-English dictionary / Initiated by R. Cleasby; revised, enlarged and completed by G. Vigfusson. Oxford, 1957.
- Ellis 1968 – H.R. Ellis. The road to *hel*. New York, 1968.
- Enright 1996 – M.J. Enright. Lady with a mead cup. Ritual, prophecy and lordship in the European warband from La Tène to the Viking age. Blackrock (Dublin); Portland, 1996.
- Feist 1939 – S. Feist. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. 3. Aufl. Leiden, 1939.
- Gamillscheg 1934 – E. Gamillscheg. Romania germanica. Sprach- und Siedlungsgeschichte der Germanen auf dem Boden des alten Römerreichs. Bd I. Berlin, 1934.
- Germanen 1976 – Die Germanen. Ein Handbuch in 2 Bd. Bd 1. Berlin, 1976.
- Grimm 1854 – J. Grimm. Deutsche Mythologie. Göttingen, 1854. Bd I–II [Nachdr. Graz, 1968].
- Güntert 1923 – H. Güntert. Der arische Weltkönig und Heiland. Bedeutungsgeschichtliche Untersuchungen zur indo-iranischen Reigionsgeschichte und Altertumskunde. Halle (Saale), 1923.
- Höfler 1963 – O. Höfler. Der Rökstein und die Sage // *Arkiv för Nordisk filologi*. Bd 78. 1963.
- Lehmann 1986 – W.P. Lehmann. A Gothic etymological dictionary. Based on the 3-d ed. of Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache by Sigmund Feist. Leiden, 1986.
- Mayrhofer 1953–1980 – M. Mayrhofer. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg, 1956–1980–.
- Piel, Kremer 1976 – J.M. Piel, D. Kremer. Hispano-gotisches Namenbuch. Heidelberg, 1976.
- Pokorny 1959 – J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd I–II. Bern; München, 1959.
- Polomé 1953 – E. Polomé. L'etymologie du terme germanique **ansuz* 'dieu souverain' // *Études Germaniques*. V. 8. 1953.
- Scardigli 1964 – P. Scardigli. Lingua e storia dei Goti. Firenze, 1964.
- Tjäder 1981 – J.-O. Tjäder. Note per l'interpretazione del misterioso 'hugsis' nel *pap. Marini 118* // R. Avesani, G. Billanovich, M. Ferrari, G. Pozzi (eds). *Miscellanea Augusto Campana*. V. II. Padova, 1981.
- Vries de 1956–1957 – J. de Vries. Altgermanische Religionsgeschichte. 2. Aufl. Bd I–II. Berlin, 1956–1957.
- Vries de 1962 – J. de Vries. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1962.
- Wagner 1993 – N. Wagner. Thela/Okla*, Tzeiounk und ähnliche // *Beiträge zur Namenforschung*. Neue Folge. Bd 28. 1993.
- Walde, Hoffmann 1938–1956 – A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3., neubearb. Aufl. von J.B. Hoffmann. Heidelberg, 1938–1956.
- Wrede 1886 – F. Wrede. Über die Sprache der Wandalen. Straßburg; London, 1886.
- Wrede 1891 – F. Wrede. Über die Sprache der Ostgoten in Italien. Straßburg, 1891.

Сведения об авторе:

Наталия Александровна Ганина
МГУ им. М.В. Ломоносова
ganina@philol.msu.ru

Статья поступила в редакцию 17.01.2013.